

А еще непонятный, с каждым днем все более густой огонек в глазах, что вечно следили за ним, приводил его в еще большее замешательство и смущение.

Даже продолжая любить младшего брата, как и прежде, он бессознательно снова выбрал путь бегства, лишь бы избежать его упреков.

Повзрослевший ребенок больше не нуждался в защите слабохарактерного старшего брата. На душе у него было как у отца, провожающего выросшее дитя в дальний путь: радость смешивалась с грустью и ностальгией.

Как же прекрасно было в прошлом, когда маленький брат, прильнув к нему, лепетным голоском звал «братик» и ни на шаг не отходил. Увы, время вспять не повернуть, оставалось лишь наблюдать, как меняется мир, а вместе с ним и люди, как незаметно утекают годы.

Принуждение

Ли Жоли, не зная, куда выплеснуть скопившуюся ярость, со всей силы пнул стул из фиолетового дерева. Гово, свернувшийся калачиком в углу комнаты, испуганно подскочил.

Гово был старым псом, первым подарком, который сделал ему Ли Цзишэн. Ли Жоли, беспощадный к слугам, души не чаял в дряхлом Гово.

Успокаивающе погладив пса по голове, Ли Жоли спросил сам себя: Гово, как думаешь, почему старший брат постоянно прячется от меня? Я ему больше не нравлюсь? Это потому, что я вырос? Потому, что я больше не ребенок? Я знаю, он любит маленьких детей. Он всегда с такой нежностью обнимал ребенка управляющего, и раньше, когда играл со мной, был таким же веселым. Почему? Я ведь так сильно его люблю, неужели он перестал любить меня только потому, что я вырос? Я не хочу этого, это несправедливо!

Сейчас он выглядел как одинокий, брошенный ребенок, в чьем взгляде, однако, сквозила упрямая жестокость.

Внезапно он вскочил и выбежал из комнаты, направляясь к покоям Ли Цзишэна.

Когда после доклада его отказались впустить под предлогом того, что господин уже лег спать, Ли Жоли, привыкший к вседозволенности, не стал церемониться. Грубо оттолкнув преградивших путь слуг, он ворвался внутрь.

В ярко освещенной комнате мужчина вовсе не спал — он возился с ребенком управляющего. Малыш, ластаясь, прильнул к нему и лепетал: Еще, принц, обними еще!

Эти объятия... они должны были принадлежать только ему одному.

Сдерживаемый долгое время гнев вырвался наружу в тот самый миг, вспыхнув от ревности.

Мужчина, чья маленькая ложь была раскрыта, неловко улынулся и, не успев оправдаться, увидел, как брат грубо выставил ребенка за дверь и с грохотом захлопнул ее.

Ли Жоли тяжело дышал, словно разъяренный бык, а в его глазах полыхал огонь. Ли Цзишэн тихо вздохнул, сбрасывая с лица натянутую улыбку: Не нужно так, Лили. С сегодняшнего дня ты больше не ребенок.

Это было попадание прямо в больное место!

А если я вырос — что с того? Теперь ты можешь меня не любить? Тогда я вовсе не хочу взрослеть, не хочу и всё!

К сожалению, слуг отослали далеко прочь, так что никто не смог оценить того, как двадцать седьмой принц капризничал, упрямылся и едва ли не катался по полу.

Тот же, кому выпала честь наблюдать эту сцену, оказался в полной растерянности, не зная, как успокоить брата. Подумав и поразмыслив, он решил просто молча посидеть рядом, дожидаясь, пока разбушевавшийся младший брат уgomонится сам.

Никто не обращал внимания, никто не утешал, и чем больше Ли Жоли об этом думал, тем сильнее становилась обида. Туман в его глазах сгустился, превратившись в блестящие слезы, и в конце концов, скривив губы, он разрыдался в голос.

Это бессовестно, старший брат, как ты можешь быть таким холодным? Раньше ты никогда со мной так не поступал...

Слезы текли рекой, сопровождаемые горькими обвинениями.

Сердце Ли Цзишэна дрогнуло. Он притянул брата к себе и погладил его по спине: Не плачь, не плачь, ты уже такой большой, даже обряд совершеннолетия прошел...

Как и ожидалось, мягкий подход оказался эффективнее. Добившись своего, Ли Жоли уткнулся лицом в грудь брата и принялся тереться о нее, скрывая легкое торжество. В нос ударил давно забытый, едва уловимый аромат орхидеи, исходивший от того человека.

Старший брат, не игнорируй меня и не балуй никого другого. В будущем, пожалуйста, люби только меня, хорошо? У меня есть только ты.

У него есть только он? Только он! В душе Ли Цзишэна разлилась легкая горечь. Покинув дворец Лэнгун, он вошел в Резиденцию наследного принца, оставив позади одиночество и холод, но так и не смог убежать от людской холодности и переменчивости. Ребенок, у которого, кроме него, никого нет. Да и он сам — разве не такой же?

Темная ночь безмолвствовала, колеблющийся свет свечей отбрасывал за спинами длинные тени.

К счастью, сейчас у него еще были силы устроить его судьбу, но кто смог бы забрать отсюда его самого? Наследный принц, наследный принц... Все эти дразги и споры — разве не кандалы для него самого?

Глядя Ли Жоли по иссиня-черным волосам, он тихо произнес: Лили, я не стану от тебя скрывать: в последние годы здоровье императрицы Сюй становится все хуже. Если ее не станет, боюсь, мое время в качестве наследного принца тоже подойдет к концу. Если останешься со мной, тебя ждут лишь неприятности. Хорошо хоть, что после этой ночи ты сможешь получить официальную должность и титул князя. Пока я еще занимаю это место, я выхлопочу тебе удел, чтобы ты мог уехать из столицы подальше.

Не хочу! Не хочу! Не хочу! — Ли Жоли резко поднял голову и намертво вцепился в плечи Ли Цзишэна. Его тонкие белые пальцы слегка напряглись, используя внутреннюю энергию, и Ли Цзишэн от боли нахмурился.

Отпусти, Лили... — Не отпущу, я ни за что не отпущу! — С этими словами, в которых слышалась непримиримая решимость, он поднял лицо и прямо посмотрел на Ли Цзишэна. — Я не хочу уезжать из столицы. Дай мне должность, и я помогу тебе удержать трон наследного принца. Всё, что принадлежит тебе, я не позволю никому отнять. Настанет день, и ты станешь императором.

Ли Цзишэн остолбенел, глядя на него. Перед ним был уже не тот нежный, слабый ребенок, а мужчина с решительным выражением лица, готовый защищать того, кого он любит. На его юном, прекрасном лице играло властное, непреклонное выражение. Необъяснимый страх сковал Ли Цзишэна. Он отвел взгляд и попытался высвободиться из крепкой хватки, но внезапно почувствовал тепло на губах — Ли Жоли припал к ним в поцелуе.

В его рот проник кончик языка, принесший с собой аромат крепкого вина из османтуса; Ли Жоли требовательно и неумело искал ответа.

В голове Ли Цзишэна словно прогремел гром. Он был в полном смятении, но не мог вырваться. Внезапно мир закружился, и он опомнился, уже лежа на кровати.

Щеки Ли Жоли горели, взгляд был затуманен страстью, но во всем его облике ясно читалась жажда обладания. Ли Цзишэн вдруг вспомнил: сегодня первая ночь Ли Жоли, а вино из османтуса, которое подавали на банкете, обладало возбуждающим эффектом.

— Нет... Ли-ли, остановись... ты пьян, иди в свою комнату, твоя женщина ждет тебя. — Он попытался оттолкнуть брата, но тот перехватил его руки, прижал их к изголовью и крепко связал поясом. Ли Цзишэн вскрикнул: — Ли-ли, что ты делаешь?

Это уже вышло далеко за рамки шуток.

Вместо ответа на него обрушились бесчисленные поцелуи, покрывшие шею и грудь.

— Я люблю тебя, старший брат. Кроме тебя, мне не нужна никакая женщина. — Юноша произносил каждое слово с непоколебимой решимостью и деспотичным упрямством.

Тело Ли Цзишэна было прижато к ложу, одежда в пылу борьбы разодрана, а тонкие, бледные пальцы юноши мягко скользили по чувствительным местам. Он несколько раз хотел позвать на помощь, но стыд перед слугами заставлял его молчать. Он сдавленно всхлипывал, безмолвно сопротивляясь, но его извивающееся тело лишь сильнее разжигало огонь в глазах брата.

Паника, стыд, отчаяние — сотни чувств сменяли друг друга в сердце. Он закусил губу до крови.

Почему каждый раз он проявляет такую трусость и не знает, как поступить?

Алые свечи роняли воск, в комнате висел дурман, раздавались тихий шепот и шорох тел.

Движения юноши были по-мальчишески грубыми. Ли Цзишэн стиснул зубы, терпя и сдерживая рыдания, в глубине души надеясь, что всё это лишь кошмар.

Несколько раз он был готов отбросить стыд и позвать слуг, но всякий раз цепенел от нежных, манящих слов, слетавших с губ Ли Жоли.

В этой жизни только он один когда-либо говорил ему с такой искренней нежностью: Я люблю тебя!

Снова и снова он повторял слова любви, бесконечно признаваясь в своей одержимости.

В ту ночь небо и земля перевернулись.

Когда именно он провалился в темноту, забывшись в изнеможении и боли, он не помнил. Когда он очнулся, было уже совсем светло. Его одежда была сменена, а тело вымыто. Сквозь туман в памяти всплыло, как брат лично обтирал его, и лицо Ли Цзишэна залилось краской стыда.

— Наследный принц проснулся? — Услышав шорох, в комнату вошла служанка Сяо Цуй с тазом воды. Она отжала полотенце и с поклоном подала его. — Молодой господин сказал, что вы плохо спали, и приказал нам не беспокоить вас, поэтому я не осмелилась вас будить. Сейчас вы почувствуете себя лучше?

Ли Цзишэн кивнул и, поколебавшись, спросил:

— Где Жоли?

— Еще рано утром его вызвали во дворец по приказу императрицы Сюй. — Сяо Цуй немного помолчала и добавила с беспокойством: — Я краем глаза видела, что у евнуха, который пришел за ним, был дурной вид. Он не сказал, зачем зовет, только подгонял молодого господина. Я хотела доложить вам, но он запретил нарушать ваш сон и, совершенно не беспокоясь, ушел.

Ли Цзишэн встревожился. Матушка никогда не вмешивалась в дела Жоли, с чего бы ей вызывать его так спешно? Думая о характере императрицы, он нервничал всё сильнее. Несмотря на не утихающую боль внизу живота, он соскочил с кровати и торопливо проговорил:

— Скорее, Сяо Цуй, помоги мне одеться, я должен ехать во дворец.

В комнате вился сизый дым, повсюду разносился аромат лекарств, изумрудные занавеси были слегка приспущены. Полулежа на кровати, женщина в простом белом халате слегка хмурила брови. Несмотря на болезненный вид и увядающую красоту, в которой уже проступали морщины, она сохраняла природное величие.

Выпив лекарство, поданное служанкой, она подняла голову, и ее пронизательный взгляд устремился на юношу, стоявшего на коленях у кровати.

Ли Жоли поклонился:

— Я слышал, что императрице нездоровится, и давно хотел навестить вас. Но не знаю, зачем вы так внезапно призвали меня сегодня?

Смысл его слов был таков: старая ведьма, раз болеешь, так и лечись в своих покоях, зачем беспокоить меня своими проблемами?

Лицо императрицы Сюй не дрогнуло, она лишь холодно произнесла:

— Прошлой ночью ты ночевал у Цзишэна?

Ли Жоли знал, что от глаз императрицы ничего не скроешь, поэтому без страха вскинул голову:

— Верно. Я люблю старшего брата. С этого дня я буду оберегать его и помогать ему. А всех, кто посмеет его обидеть, я уничтожу. Прошу вас, императрица, дайте мне должность. Императрица Сюй едва не рассмеялась от его слов: Ты оскорбил Шэна, и я еще не призвала тебя к ответу, а ты сам первый требуешь с меня должности. Затем она тихо вздохнула: Если бы у Шэна была хотя бы половина твоей дерзости, мне не пришлось бы так сильно переживать.

У старшего есть я, впредь никому не придется за него беспокоиться. В голосе отчетливо звучала собственническая нотка.

Императрица Сюй долго изучала его своими пронзительными глазами и наконец медленно кивнула: Хорошо, запомни то, что ты сегодня сказал. Шэн... вернется тебе.

Ли Жоли всем сердцем переживал за Ли Цзишэна, у него не было ни малейшего желания вести светские беседы с остальными. Обменявшись парой дежурных фраз, он тут же удалился.

Из-за ширмы вышел мужчина средних лет. Глядя вслед удаляющемуся Ли Жоли, он скрежетал

зубами от злобы: Как это сестрица так просто отпустила этого сорванца?

Императрица Сюй помолчала немного и произнесла: А что еще оставалось? Я изначально и не планировала наказывать его в этот момент. Если меня не станет, должен же кто-то защищать Шэна. Грязную работу кому-то делать необходимо, а всю вину кому-то придется взять на себя. Брат, ты — человек на виду, в будущем весь род Сюй будет опираться на тебя. А он изначально подходил для этого лучше всех.

Она несколько раз кашлянула и снова вздохнула: Эх, было бы у меня еще по крайней мере два сына, я бы ни за что не стала принуждать Шэна занимать место наследника. Он не создан для этого и не чувствует себя счастливым. Я знаю это, но ничего не могу поделать. Если позволить кому-то из других принцев взойти на престол, нашему роду Сюй придет конец.

Но ведь этот сорванец...

Кто он такой — не имеет никакого значения. Пока Шэн не взошел на императорский трон, он во всяком случае будет полезен.

Женщина выказала признаки усталости и махнула рукой, велев старшему брату удалиться. Легкий ветерок залетел сквозь оконные занавеси, и ярко-желтые портьеры с вышитыми фениксами тихо затрепетали. Она молча уставилась в пустоту, и перед ее глазами постепенно возникло полное клятв и заверений лицо Ли Жоли. Если оглянуться назад сквозь туман времени: неужели этот сластолюбивый муж, этот слабохарактерный сын — все те бесчисленные раздумья и исчерпанные до дна ухищрения совершались ради этого? А сама она в девичьи годы неужели тоже любила вот так — без оглядки и без сожалений?

Выйдя из Дворца Феникса, Ли Жоли издалека заметил Ли Цзишэна, который с тревогой и волнением вглядывался вдаль. Лицо его тут же озарилось улыбкой, он вприпрыжку подбежал и бросился в объятия старшего брата, ласково щебеча: Старший брат, ты меня ждешь?

Зачем тебя искала матушка? Она не обижала тебя?

Нет-нет, она даже лично пообещала мне чин, чтобы в будущем я охранял тебя вместо нее.

Ли Цзишэн наконец успокоился, но тут же с резким испугом вспомнил, что все еще обнимается с младшим братом. Вчерашние события молнией пронеслись в памяти, лицо его побледнело, и он оттолкнул Ли Жоли.

Ли Жоли надул губки, соорудил жалобную гримасу и, опустив голову, обиженно всхлипнул: Старший брат, я тебе опротивел? Как ты можешь быть таким бессердечным, я ведь так сильно тебя люблю, а ты меня ненавижда-а-а...

Видя, как тот выворачивает всё наизнанку, Ли Цзишэн испытывал одновременно и злость, и смех. Он от природы не отличался красноречием и совершенно не знал, как его отчитывать. К тому же Ли Жоли задыхаясь плакал так жалко и горько, что у него сжалось сердце. Вдобавок ко всему, придворные издавна бросали на них любопытные взгляды, а устраивать сцены с позорными воспоминаниями вчерашнего дня на людях ему совсем не хотелось. Смягчив тон, он произнес: Ладно, давай сначала вернемся.

Услышав слово мы, Ли Жоли мгновенно прервал слезы и рассмеялся, любовно и крепко взяв Ли Цзишэна за руку, и они радостно пошли вместе. Как бы Ли Цзишэн ни пытался тайком высвободить руку, младший ни за что не соглашался ее отпустить.

Ладонь юноши была белой и нежной, от нее исходил обжигающий жар.

Переворот

У меня есть цитра. Куда бы я ни шел, куда бы ни пошел, повсюду ношу ее с собой. Без струн звучит прекраснее, чем со струнами. Хотел бы сыграть перед людьми мелодию, да нет среди них понимающих музыку.

Легкая и плавная мелодия цитры плыла в тишине долгой ночи, растворяясь среди сверкающих звезд на небосводе. Ли Цзишэн сидел за столиком для цитры, его тонкие пальцы легко перебирали струны, а в такт музыке звучали тихие, мелодичные стихи.

Почему ты опять возишься с этой ерундой? Если у тебя есть столько свободного времени, лучше помог бы мне. Все эти мелкие хлопоты Военного лагеря просто до смерти утомляют!

Дверь грубо распахнулась, и Ли Цзишэн с виноватым выражением лица посмотрел на вошедшего стройного юношу.

В свои семнадцать лет Ли Жоли уже постепенно утрачивал детскую наивность: его взгляд искрился влажным блеском, темные брови слегка хмурились, а в каждом движении сквозили невыразимая привлекательность, мириады нежных оттенков и неизъяснимое очарование, сквозь которое, впрочем, насквозь проступала непреклонная гордость.

Нынешний Ли Жоли уже не был прежним мальчишкой: в его руках сосредоточилась вся военная мощь окрестностей столицы, и он превратился в невероятно влиятельную и могущественную фигуру при дворе. Год назад, после скоропостижной кончины императрицы Сюй, лишь благодаря его поддержке Ли Цзишэн смог спокойно оставаться на посту наследного принца по сей день. Последние несколько месяцев Император У-ди, долгие годы предававшийся вину и разврату, тяжело болел, и братья, жаждавшие заполучить высшую власть, зашевелились. Ли Жоли также стянул и объединил войска — начало государственного переворота казалось неизбежным.

Евнухи и слуги, находившиеся в комнате, при виде вошедшего Ли Жоли благоразумно и бесшумно удалились. После смерти императрицы Ли Жоли уже давным-давно заменил всех людей в Резиденции наследного принца собственными преданными слугами.

Окруженный со всех сторон, Ли Цзишэн чувствовал, как груз на его плечах становится все тяжелее, почти лишая его воздуха.

Видя, что Ли Цзишэн молчит, Ли Жоли чуть приподнял алые губы в ослепительной улыбке, подошел ближе, мягко обнял его за талию и, словно капризничая, зарылся лицом ему в грудь, тихонько потершись: Что такое? Рассердился? Перестань дуться, я целый день крутился в заботах, был не в настроении и просто сорвал на тебе злость. Неужели ты будешь из-за этого обижаться?

Ли Цзишэн меланхолично покачал головой: Я знаю, что ты не жаден до власти, это я тебя обрекаю.

К чему эти пустые любезности? Ради тебя, старший брат, я готов на все. Ли Жоли с улыбкой приблизил губы к самому уху Ли Цзишэна и соблазнительно прошептал: Впрочем, будет честно, если и ты позволишь это мне, старший брат.

Чистое лицо Ли Цзишэна мгновенно залилось краской до самых кончиков ушей. Низко опустив

голову и что-то бормоча себе под нос, он в конце концов так ничего и не произнес.

Такие отношения с младшим братом продолжались уже два года.

Сначала он был вынужден покориться из-за грубой силы младшего, не имея возможности дать отпор, и не смел пожаловаться ни холодному отцу-императору, ни высокомерной матери-императрице. Даже если бы они захотели выслушать, разве смог бы он причинить им такую боль? Он и представить не мог, какому наказанию подвергнется юный Лили. Поначалу он даже подумывал отправить брата служить в другую провинцию, но из-за почти фанатичного упорства императрицы от этой затеи пришлось отказаться. В конце концов, снедаемый стыдом и смятением, он молча покорился домогательствам младшего брата.

Постепенно, однако, он сам утонул в жаркой и искренней любви младшего. Он думал, что, пожалуй, тоже очень любит Лили, хотя и не был уверен, можно ли назвать это настоящей романтической любовью. В этом бездушном и холодном дворце объятия Лили оставались единственным местом, куда он мог припасть духом. Но...

Он легко вздохнул: то, чего он по-настоящему желал, Лили не мог понять. Эта всепоглощающая, собственническая любовь была подобна огромной сети, которая так туго опутывала его, что не оставляла выбора.

Он любил его чистоту, любил его страсть, любил его красоту, любил его гордый нрав... но такая жизнь отнимала слишком много сил.

Хотел бы сыграть перед людьми мелодию, да нет среди них понимающих музыку.

Он осторожно поинтересовался: Лили, сегодня днем Пятый брат заходил в Резиденцию наследного принца.

Ли Жоли недовольно нахмурился: Что? Спешит перебраться сюда? Хм, пусть даже не мечтает, пока я здесь, никому другому не позволено посягать на твое место. Он разгладил брови и улыбнулся: Не переживай, старший брат, как только этот старик испустит дух, я непременно помогу тебе взойти на трон. А все эти мозолящие глаза рожи получают по заслугам.

Не говори так, Лили, в конце концов, они твои братья, — вздохнул Ли Цзишэн. — Твое сердце я знаю. Но я действительно не создан для роли императора, и сам прекрасно это понимаю. Пятый брат добр душой и умом, молод и талантлив — он изначально был лучшим кандидатом. Он сказал, что если ты поможешь ему, то после восхождения на престол он ни за что тебя не обидит.

Услышав это, Ли Жоли резко оттолкнул Ли Цзишэна и с досадой выкрикнул пронзительным голосом: Как ты можешь быть настолько глуп?! Оставим в покое то, как он ко мне отнесется — в прошлых династиях при воцарении нового императора разве кто-то оставлял в живых свергнутого наследника? Я изо всех сил стараюсь помочь тебе, а ты хорош — еще и расхваливаешь этого лицемера, мол, он добр душой!

Лили, не надо так, Пятый брат и вправду неплохой человек...

Если он тебе так нравится, так отправляйся с ним в постель!

Как только эти слова сорвались с губ, он тут же слегка пожалел об этом. Увидев, как белое лицо Ли Цзишэна от потрясения становится совершенно бледным, он почувствовал тупую боль в груди. Ему хотелось извиниться, но гордость не позволяла.

Зачем нужно было расхваливать другого мужчину прямо при мне? Впрочем, можно и не извиняться. Ведь что бы он ни сделал, что бы ни сказал, его мягкосердечный старший брат всегда всё простит с улыбкой.

Думая так, Ли Жоли чуть отвернулся в сторону и тихо пробормотал: Вместо того чтобы помогать ему, я лучше сам захвачу трон и стану императором.

Так было бы даже лучше.

С недоверием глядя на то, как старший брат беззаботно кивает в знак согласия, Ли Жоли почувствовал, как вспыхивает внезапная, ничем не обоснованная злость. Все, что он так долго делал ради него, неужели для того было лишь легким дуновением ветерка, не имеющим никакого значения?

Ты не хочешь быть императором? Почему?

Взгляд, устремленный на Ли Цзишэна, пылал подобно дикому пламени.

Ли Цзишэн виновато опустил голову: Я не гожусь, я не справлюсь.

С моей помощью нет ничего невозможного! — прозвучало безапелляционно.

Но я действительно не хочу.

Почему не хочешь? Все дела я давно устроил за тебя в лучшем виде, чем ты еще недоволен?!

Спустя долгое время Ли Цзишэн наконец набрался храбрости и тихо вымолвил то, что так долго прятал в глубине души: Лили, ты не хочешь... покинуть столицу вместе со мной и уйти жить отшельником среди гор и вод?

Он так сильно ждал, что Лили с улыбкой возьмет его за руку и они вместе отправятся в чужие края, но в ответ услышал лишь презрительный смех. В тот миг сердце промерзло до основания.

Старший брат, ты сошел с ума? Ты вообще понимаешь, что значит оседлать тигра и не суметь слезть? Если ты сейчас отпустишь бразды правления, неужели ты думаешь, что новый император пощадит тебя, меня или род Сюй? Мне-то на клан Сюй плевать, но я не хочу бессмысленно позволить кому-попало резать нас и глупо расстаться с жизнью. Если тебе хочется искать смерти — иди один.

Его алые губы скривились в бесконечной насмешке. Ли Цзишэн от стыда не мог поднять головы.

Прекрасные и чудесные мечты, высказанные вслух перед лицом суровой реальности, оказались не более чем глупостью безумца.

<http://bllate.org/book/21139/2144081>